

соотносил с айнским *acha* — ДмРР, Рм и несколькими его синонимами⁴⁶; термины *абани*, *абачжи*, *аби*, *абом*, *абэ* — Рм и др.⁴⁷ могут быть сопоставлены с термином айнской родственной системы *abo*. *Abo* находит соответствия и в диалектах китайского языка. Этот термин, означающий, как уже отмечалось, Рм или Рж (в зависимости от говоров айнского языка), а в широком смысле — «родитель», сходен, например, с китайским *аба* — Рм; *абу* — Рж; *ано* — Рж, РжРм и т. д.⁴⁸

Таким образом, приведенные сопоставления выявляют достаточно четко прослеживаемую связь терминов родства айнского населения и жителей континентальных регионов востока и северо-востока Азии. Вполне возможно, что дальнейшее комплексное изучение айнской родственной терминологии с привлечением данных этнографии, антропологии и археологии позволит по-новому осветить айнскую проблему.

⁴⁶ Ramstedt G. J. Paralipomena of Korean Etymologies/Coll. and ed. by Songmoo Kho. — Mémoires de la Société Finno-ougrienne. Helsinki, 1982, № 182, p. 22.

⁴⁷ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. I. Л.: Наука, 1975.

⁴⁸ См.: Крюков М. В. Система родства китайцев, с. 120, 316; Гуревич И. С., Зограф И. Т. Хрестоматия по истории китайского языка III—XV вв. М.: Наука, 1982, с. 47, 143.

Т. Э. Даттон

ЯЗЫК ХИРИ-МОТУ В ПАПУА — НОВОЙ ГВИНЕЕ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Введение

Язык, официально именуемый теперь хири-моту, ранее было принято называть полицейским моту. Это пиджин, который сформировался на базе языка моту, распространенного в радиусе 50 км к западу и востоку от г. Порт-Морсби. Хири-моту выполняет роль языка-посредника в значительной части южных районов нынешней Папуа — Новой Гвинеи, т. е. в той ее части, которая раньше называлась Папуа. Сегодня это один из двух неофициальных национальных языков страны.

До сих пор считалось, что хири-моту возник непосредственно из торгового языка-посредника, функционировавшего во время ежегодных торговых экспедиций *хири*, совершавшихся членами племени моту в районе залива Папуа. Последние изыскания автора убеждают, однако, в том, что этот язык скорее всего произошел от специфической разновидности (или разновидностей) языка моту, употреблявшейся членами племени для общения с иностранцами, поселившимися на их территории. Хири-моту — это упрощенная форма языка моту. Со временем она превратилась в язык администрации Британской Новой Гвинеи (так тогда называлась территория Папуа) и ассоциировалась прежде всего с полицейским корпусом; отсюда и ее название — полицейский моту. Происхождению и ранним этапам развития этого языка и посвящена настоящая статья.

Лингвистическая ситуация

Когда в 1874 г. европейцы впервые стали селиться на территории, которая сейчас известна как район Порт-Морсби в Папуа — Новой Гвинее, там жили две совершенно различные и лингвистически неродственные общности: моту и коита. Моту говорили (и говорят) на языке, относящемся к большой семье австронезийских, или малайско-полинезийских,

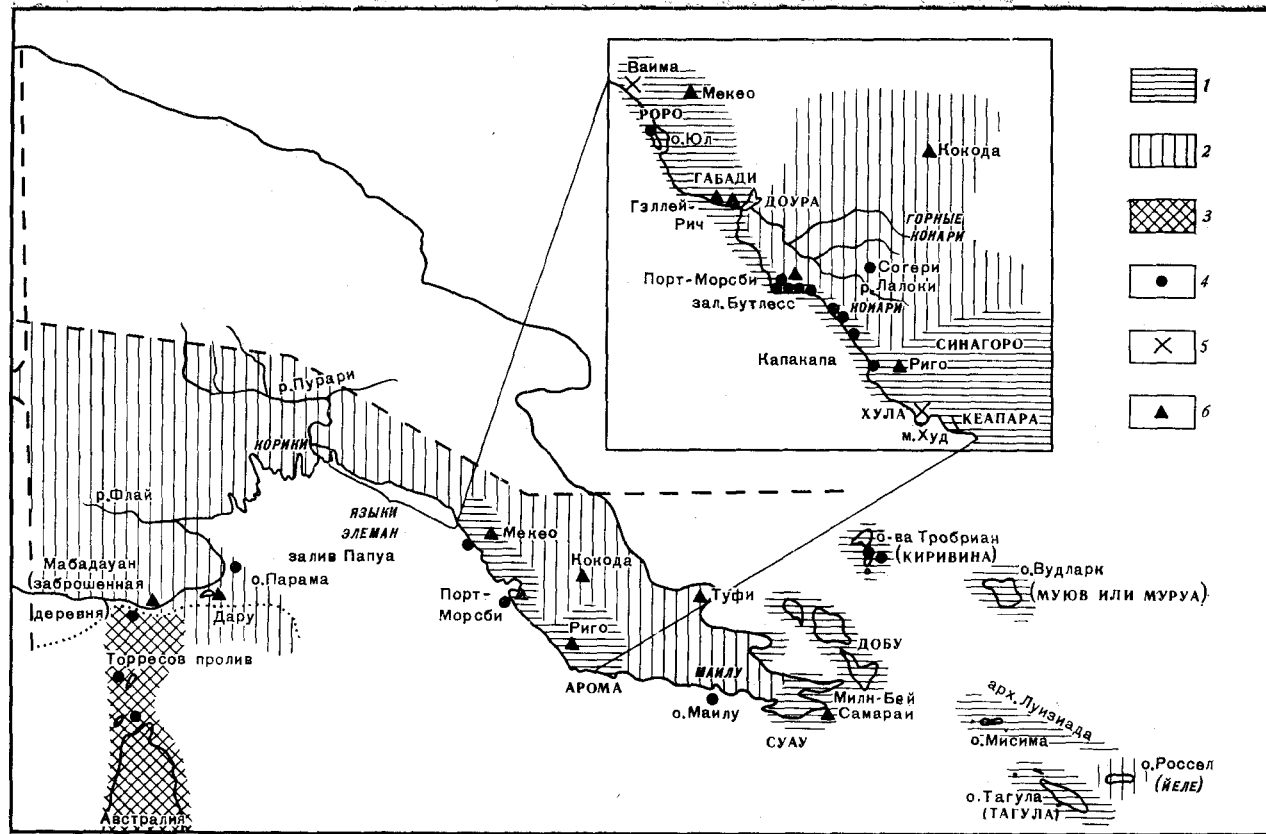
языков, распространенной по всей Индонезии и на островах Тихого океана¹. Коита же говорили, а многие говорят и сейчас, на папуасском языке, не родственном ни языку моту ни какому-либо другому австронезийскому языку. Это один из многих языков, которые с той или иной степенью вероятности могут быть сгруппированы в другие языковые семьи или единицы иного порядка и которые распространены почти повсюду (за исключением небольших австронезийскоязычных анклавов) в части Папуа, расположенной на самом острове Новая Гвинея (см. карту).

Ко времени первого контакта с европейцами моту населяли прибрежные деревни между Капакана на востоке и Гэллей-Рич на западе и делились на две группы или два племени — западных и восточных моту, обитавших соответственно к западу или к востоку от залива Бутлесс. Более важную роль в развитии и самом возникновении полицейского моту сыграли, конечно, западные моту, так как именно они концентрировались на территории современного Порт-Морсби и его окрестностей, а потому именно они вступили в тесный контакт с первыми европейцами. Еще одна особенность отличала западных моту от их восточных соплеменников: уже к началу контактов с европейцами (и в течение какого-то времени до этого) западные моту были вовлечены в сложную систему торговых связей с родственными и неродственными им по языку группами, обитавшими к востоку и западу от их территории расселения, либо в глубинных районах острова. Ежегодные морские торговые экспедиции в заливе Папуа на расстояние до 300 км, называвшиеся *хири*, были не только самыми впечатляющими в рамках этих торговых связей, но и самыми важными с точки зрения количества и ценности товаров, перевозимых из одного места в другое, числа занятых в них людей, типов судов и пр.² Во время экспедиций моту посещали земли, населенные элема (общее название группы береговых народов, между мысом Поссеши на востоке и устьем р. Пурари на западе, которые говорят на восьми близкородственных языках семьи элема), а также корики, соседями элема на западе, жившими в дельте Пурари. Обе группы говорили на неавстронезийских языках, совершенно отличных от языка моту и весьма отдаленно родственных друг другу, если вообще такое родство можно установить.

Во время этих плаваний, как и ответных визитов торговых партнеров, моту общались с ними при помощи нескольких, по крайней мере двух, различных торговых языков, представлявших пиджинизированные формы неавстронезийских языков торговцев залива Папуа. Один из них — разновидность торгового языка хири (ТЯХ) у элема (ТЯХ-Э), основывавшийся главным образом на языках-компонентах субфила элема, и второй — разновидность ТЯХ у корики (ТЯХ-К), опиравшийся только на язык корики. Эти два языка имели много общего, хотя и не были взаимопонимаемы. Приводимые в табл. 1 примеры показывают коренное отличие этих языков от полицейского моту (или хири-моту — ХМ), с которым раньше их часто путали, основываясь на действительно существующем реальном типологическом сходстве. В начальный период контактов с европейцами помимо торгово-обменных связей западных моту, обеспечиваемых экспедициями *хири*, устанавливались аналогичные связи и с людьми, жившими непосредственно рядом с моту или сравнительно недалеко от них. Некоторые из этих групп говорили (и говорят) на австронезийских языках, близкородственных моту, другие же — на неавстронезийских языках. Последние, как мы уже отмечали, не сблизаются ни с языком моту, ни с каким-либо другим австронезийским языком, а между собой находятся в отношениях весьма дальнего и про-

¹ Dyen I. The Austronesian Languages and Proto-Austronesian.— In: Current Trends in Linguistics/Ed. Sebeok T. A. V. 8. Linguistics in Oceania. The Hague, 1971, p. 5—54.

² Oram N. D. «Pots for Sago»: the hiri Trading Network.— In: The Hiri in History: Further Aspects of Long Distance Motu Trade in Central Papua/Ed. Dutton T. E. Canberra, 1982, p. 1—33.



Британская Новая Гвинея (Папуа)

1 — ареал австронезийских языков, 2 — ареал неавстронезийских языков, 3 — ареал австралийских языков, 4 — деревни моту, 5 — прочие деревни, 6 — административные посты. Названия австронезийских языков даны прописными прямыми буквами, а названия неавстронезийских языков — прописным курсивом

блематичного родства, которое позволяет группировать их в семьи и единицы иного порядка.

Среди групп, вступавших в торговые связи с западными моту, были ближайшие их соседи — неавстронезийские коита (или коитабу, как их называли моту). Они населяли район примерно одинаковой протяженности с землей моту, но дальше от берега, ближе к долине р. Лалоки³. Однако уже к началу контактов с европейцами большинство коита жило в прибрежных деревнях либо образовывало свои кварталы в крупных поселениях моту. Остальные коита обитали на небольшом расстоянии от них на склонах прибрежных холмов, обращенных к морю. Согласно традиции, коита — хозяева земли, охотники и земледельцы (отметим, что в начальный период контактов с европейцами те коита, которые поселились среди моту, занимались подобно им морским промыслом, а моту возделывали землю на огородах, окружавших их деревни). Традиция утверждает также, что в недалеком прошлом коита спустились на побережье из близлежащих внутренних районов острова, и уже после них на этом побережье поселились и моту, которые, как и все австронезийские группы, считаются в Папуа пришельцами. Как бы то ни было, к началу контакта с европейцами коита и моту, обитавшие вокруг Порт-Морсби, были тесно связаны друг с другом в социальном отношении. Их объединяла система двустороннего обмена: коита поставляли моту продукты огородничества, лесных промыслов и дичь, а те получали от них гончарные изделия, рыбу, продукты морских промыслов, браслеты и т. п. Подобный симбиоз был выгоден обеим сторонам и во многом другом, например, в сфере защиты от врагов.

В глубинных районах острова, еще дальше, чем коита, жили близкородственные им по языку коиари и горные коиари. Однако их места обитания не благоприятствовали установлению непосредственного контакта между ними и западными моту. Хотя какая-то торговля между жителями глубинных и береговых районов все же осуществлялась, они практически не владели языком моту.

Кроме коита, моту торговали также с родственными им по языку соседями, обитавшими западнее и восточнее их. Они совершали специальные плавания *гаура* на запад в земли доура и габади (район Гэллей-Рич). Другие торговые экспедиции под названием *даива* отправлялись несколько дальше в том же направлении к роро, жившим на о. Юле и в районе Ваима⁴. И те и другие плавания не отнимали много времени и совершались для приобретения древесины, саго и овощей. На востоке моту установили особые связи с вулаа, обитавшими в Хула и союзных с ней деревнях вокруг мыса Худ-Пойнт, лежащего примерно на расстоянии 100 км от Порт-Морсби. От них моту не только получали столь важные для *хири* и других форм торговли браслеты (вулаа в свою очередь приобретали их у своих торговых партнеров на востоке), но и договаривались с ними о том, что в обмен на часть саго и других товаров, приобретенных во время *хири*, они должны рыбачить в районе Порт-Морсби для снабжения рыбой тех моту, которые не отправились вместе с торговцами-*хири*⁵.

Точно неизвестно, каким языком пользовались моту и их торговые партнеры в близлежащих районах, хотя на основании имеющихся данных можно полагать, что таким языком была упрощенная форма моту (в дальнейшем мы будем называть ее упрощенным моту — УМ). Об этом свидетельствует, в частности, следующий пример. Когда священник У. Дж. Лоуз из Лондонского миссионерского общества, первый европейский миссионер среди моту, поселился в 1874 г. в Порт-Морсби, он начал учить язык моту. Но вскоре его сын Фрэнк, игравший с деревенскими мальчишками и научившийся языку от них, сказал отцу, что тот

³ Dutton T. E. The Peopling of Central Papua: Some Preliminary Observations. Canberra. (Pacific Linguistics, B—9), 1969.

⁴ Oram N. D. Op. cit., p. 8.

⁵ Ibid., p. 19.

ТЯХ-К	ТЯХ-Э
Коа (пу) vareo? Кто (притяж. суф.) лодка.	А, neia epape vevaga? Эй, кто притяж. лодка.
На vareo. Моя лодка.	Ага epape vevaga. Я притяж. лодка.
Ni vake (пу) пое коапа? Ты друг (притяж. суф.) имя кто.	Еме epape ратога гаге таго neia? Ты притяж. друг имя есть кто.
На vake (пу) пое Еламо. Мой друг (притяж. суф.) имя Эламо.	Ага epape ратога гаге таго Еламо. Я притяж. друг имя есть Эламо.
Elamo uarekai? Эламо стоять.	Elamo abuisi? Эламо стоять.
Moi, anepe rei pava. Мои приходит пища кушать.	Moi, amusi ma siahu amulari. Мои приходит вода горячая кушать.
Epape pu miai anea. Идти саго доставать приходит.	Amuari pai avai amusi. Идти саго доставать приходит.

говорит не на «настоящем» моту, а на его упрощенном варианте, и его же употребляет при переводе на моту⁶.

Впоследствии Лоуз сам отметил, что та упрощенная разновидность языка, которой его научили, отличалась «большим количеством разговорных оборотов» и «примерами пиджинизированного моту», которые сами моту считали «грамматически неправильными», хотя и «санкционированными систематическим употреблением»⁷. Более того, моту употребляли УМ «для разговоров с иноплеменниками» и подчеркивали, что «никогда не пользуются им между собой». Лоуз не оставил описаний этой «речи для общения с иноплеменниками», но мы все же можем составить некоторое представление о ее характере и функционировании, изучая прежде всего самые ранние переводы, сделанные Лоузом на моту и сравнивая их с «настоящим» моту и прочими языковыми фрагментами, сохранившимися от того времени. Результаты такого сравнения могут в свою очередь послужить основанием для интерпретации заметок Лоуза и других современных ему наблюдателей о самом языке и о том, как им удавалось контактировать с папуасами района Порт-Морсби и его окрестностей. Суммируя все эти данные, можно утверждать следующее.

1. Как указывает само название «речь для общения с иноплеменниками», УМ не был отдельным от моту языком (в том смысле, что он был понятим носителями моту и не требовал специального изучения его ими в качестве второго языка), а представлял разновидность языка моту, использовавшуюся для контактов с иноплеменниками. УМ в основном был близок по структуре к моту и тождествен ему по словарю, но отличался от него более простой (или, скорее, более формализованной) структурой глагольных и именных предложений.

2. Хотя явные указания и отсутствуют, эта разновидность моту, вероятнее всего, не была стабильной и варьировала от носителя к носителю в зависимости от времени и обстоятельств. Видимо, различные носители приспособливали свою речь к различным точкам на воображаемой шкале, соединяющей УМ и их родной язык, в зависимости от обстоятельств, в частности от того, насколько человек, к которому была обращена речь, был знаком с моту и владел их языком.

3. Происхождение УМ неясно и не может быть датировано на основании имеющихся данных. Вероятнее всего, однако, он развился в про-

⁶ Chatterton P. The Origin and Development of Police Motu.— Kivung, 1970, № 3, p. 96; Idem. Opening Remarks by the Chairman.— In: Report: Study Conference on Police Motu, 24—25th May, 1971. Port Moresby, 1971, p. 5.

⁷ Lawes W. G. Grammar and Vocabulary of the Language Spoken by the Motu Tribe, New Guinea. 3d and enlarged ed. Sydney, 1896, p. 30.

торгового языка хири у элама (ТЯХ-Э) и корики (ТЯХ-К)

ХМ	Значение
Daika epa lagatoi? Кто притяж. лодка.	Чья это лодка?
Lau-egu lagatoi. Я-притяж. лодка.	Это моя лодка.
Oi-emi ramoga be daika? Ты-притяж. друг фокус кто.	Как имя твоего друга (или торгового партнера)?
Lau-egu ramoga be Elamo. Я-притяж. друг фокус Эламо.	Моего друга (или торгового партнера) зовут Эламо.
Elamo ia noho? Эламо он стоять	Эламо здесь?
Moi, oi mai aniani oi ania. Мои ты приходить пищу ты кушать.	Мои, иди поешь!
Oi lao rabia oi mailaia. Ты идти саго ты приносить.	Иди и принеси саго!

цессе контактов между моту и коита, по мере того как два этих племени сближались в рамках упомянутого выше симбиотического объединения. Возможно, на его становление оказали влияние другие пиджинизированные языки, в особенности ТЯХ-К и ТЯХ-Э, которые должны были быть знакомы моту, если, впрочем, они существовали в то время (последнее неизвестно). С определенностью можно утверждать лишь то, что к началу контакта с европейцами моту употребляли УМ как язык общения с иноплеменниками. После этого в течение более чем 20 лет о нем ничего не было известно; затем появился язык, обладающий многими признаками того идиома, который впоследствии стал называться полицейским моту. Хотя опять же лингвистических свидетельств тому нет; на основании других данных допустимо предположить, что оба языка связаны между собой и что полицейский моту является стадией развития УМ (возможно, в модифицированной форме), а не результатом какой-то иной линии языковой эволюции. Аргументация нашего предположения излагается в последующих разделах настоящей статьи.

От упрощенного к полицейскому моту

Когда весть о районе Порт-Морсби достигла британских колоний в Австралии, в заморское путешествие к этой terra incognita отправилась масса людей, словно притянутая каким-то неведомым магнитом. Первыми были миссионеры, за ними двинулись «естествоиспытатели», предприниматели, путешественники, авантюристы, торговцы и прочий люд, затем чиновники. Каждая из этих групп взаимодействовала с моту по-своему, каждая занимала свою позицию и вырабатывала собственные способы решения проблемы коммуникации, заключавшейся в том, что никто из них на момент приезда не владел языком моту.

Как и следовало ожидать, миссионеры принялись осваивать «настоящий» моту и использовать его для общения с коренным населением. Что же касается УМ, то он лишь в самом начале обслуживал некоторые потребности миссий, и этот факт не отразился на нем ни структурно, ни социально. Гораздо более важную роль в развитии УМ сыграли неофициальные «залетные визитеры», зачистившие в эти края вскоре после основания миссии и продолжавшие самочинно осваивать территорию в течение 16 лет, пока губернатору незадолго перед этим провозглашенной колонии Британская Новая Гвинея не удалось поставить их под свой контроль.

Точное число переселенцев такого рода, осевших в Порт-Морсби в течение этих 16 лет, неизвестно, но имеющиеся статистические данные

позволяют предположить, что их было немало. Можно также утверждать, что: 1) число переселенцев резко возросло в 1880-е годы; 2) они принадлежали к самым разным народам и расам, среди них зафиксированы китайцы, «малайцы», выходцы с островов Океании, разнообразные метисы, мальтийцы, ланкийцы, один индеец, филиппинцы, франконовокаледонец, немцы, австриец, шведы, грек, американцы и значительное число англоавстралийцев; 3) самые ранние из этих «визитеров», как правило, появлялись в стране на короткое время, никогда не изучали, за несколькими яркими исключениями, моту и соответственно не оказали на него почти никакого влияния; 4) наибольшее число переселенцев, оседавших в стране на значительные сроки, принадлежало к «цветным», прибывшим в колонию в 1880-х годах. Хотя они не оставили после себя никаких письменных документов, память о них все же сохранилась в письменных свидетельствах, а также благодаря их потомкам, которые влились в «метисную общину» сегодняшнего Порт-Морсби. Среди них выделяются две категории: «островитяне Южных морей» (т. е. преимущественно меланезийцы Новых Гебрид, ныне Вануату, и островов Луайоте) и «малайцы» (т. е., пользуясь современной терминологией, индонезийцы). Как правило, их точное этническое происхождение неизвестно, известны только крупные регионы, откуда происходили их предки. Предполагается, однако, что путь переселенцев в колонию лежал через острова Торрессова пролива, где множество рабочих сходного расового облика было занято ловлей трепангов и добычей жемчуга; 5) большинство переселенцев «женилось» на папуасках из Порт-Морсби и в той или иной степени владело (или считалось, что оно владело) какой-то разновидностью языка моту.

По всей вероятности, влияние этой категории жителей Порт-Морсби на внедрение и распространение какой-то формы УМ было весьма существенным. Это обусловлено следующими причинами.

Уже сам факт приезда основной массы этих людей в Порт-Морсби, чтобы работать и поселиться в нем, ставил их в ту или иную степень зависимости от языка моту. В результате они оказались в том же положении, что и миссионер из Лондонского миссионерского общества Лоуз в первые дни своего пребывания в Порт-Морсби: моту причисляли их к иноплеменникам и соответственно разговаривали с ними как с иноплеменниками. Поскольку сами моту в то время не обучались в миссии английскому, они не владели им и обращались к новым поселенцам на языке, предназначенном для общения с иноплеменниками, т. е. на УМ. Более того, коль скоро миссия обосновалась здесь раньше, а ее сотрудники изучали моту и использовали его в своей деятельности и при общении с коренным населением, «язык моту» ко времени появления переселенцев уже утвердился и был принят в качестве языка-посредника (*lingua franca*).

Так как этническое происхождение всех этих новых поселенцев было весьма пестрым (несмотря на то, что собирательно их называли либо островитянами Южных морей, либо малайцами), у них скорее всего не было общего языка для контактов друг с другом, если только они не могли как-то объясняться на «испорченном» английском (пиджин-инглиш), служившем языком-посредником на островах Торрессова пролива, откуда, как известно или как предполагается, они приехали в Папуа. Следует учесть также и то, что прибывали они все в разное время, селились либо в деревнях моту, либо поблизости от них, поэтому у них редко была возможность говорить «по-английски». Напротив, они должны были оказаться перед необходимостью изучить один из вариантов моту и пользоваться им в качестве языка-посредника. Иными словами, «английский» не обладал ни достаточным числом носителей, ни подходящими социальными условиями, чтобы серьезно конкурировать с моту, во всяком случае, до тех пор, пока не установилась прочная колониальная администрация и не возник город. Но к этому времени было уже слишком поздно поворачивать вспять утвердившуюся за предшествующий период тенденцию языкового развития.

Поскольку по крайней мере некоторые из поселенцев занимались торговлей и с этой целью посещали районы, жители которых говорили на различных языках, но владели в какой-то степени и моту (а английским не владели) еще до начала контакта с европейцами, моту превратился также в естественный язык-посредник между приезжими поселенцами и коренными жителями, не принадлежащими к племени моту. Данное обстоятельство в свою очередь укрепило значение этого языка и увеличило его шансы на выживание.

Короче, весь комплекс социо-лингвистических факторов, действовавших в районе Порт-Морсби в период, предшествовавший установлению контроля со стороны колониальной администрации, предопределил функционирование моту в той или иной его разновидности в качестве общепринятого языка-посредника. Причем здесь произошло не только количественное, но и глубокое качественное изменение, так как функции языка расширились, вернее, изменились: однонаправленные, или вертикальные функции (т. е. от моту к иноплеменникам и наоборот) сменились многонаправленными, или горизонтальными (иноплеменники к иноплеменникам, включая немотуязычных папуасов и наоборот).

К сожалению, отсутствие письменных памятников не позволяет нам установить, какая именно разновидность моту возникла в процессе этих контактов. Однако, во-первых, современные нам потомки этих поселенцев утверждают, что их предки говорили на «пиджин-моту», и, во-вторых, многие из этих поселенцев, как мы узнаем из следующего раздела статьи, начиная с 1884 г. устраивались на службу в колониальной администрации и впоследствии именно среди части населения, находившейся под их контролем, возник полицейский моту. С учетом этого представляется вполне допустимым предположить, что язык-посредник этой общины поселенцев был разновидностью УМ. Последняя, возможно, была похожа на ту, которой обучался Лоуз, хотя и не обязательно идентична ей, даже, вероятнее всего, не идентична, если учесть пестрое происхождение, разнообразное социальное положение и, видимо, далеко не одинаковые языковые способности поселенцев. В любом случае очевидно, что разнородная община поселенцев сыграла ключевую роль (гораздо более значительную, чем представлялось до сих пор) в превращении варианта УМ в основной язык-посредник района Порт-Морсби. Однако и другие важные перемены в социальной ситуации в Порт-Морсби и его окрестностях, вызванные превращением Порт-Морсби в административный центр, оказали влияние на развитие языка. Речь об этом пойдет в следующем разделе.

Раннее распространение полицейского моту: полицейский корпус Мак-Грегора, деревенские констебли и пенитенциарная система

Когда просуществовавший 4 года протекторат Британская Новая Гвинея был в 1888 г. преобразован в колонию под тем же названием, первым губернатором ее был назначен д-р Уильям Мак-Грегор, впоследствии получивший титул сэра. Он прибыл на Новую Гвинею в сентябре 1888 г., провозгласил создание колонии и тут же сформулировал две основные цели своей деятельности: узнать как можно больше о вверенной ему территории и создать с помощью тех ограниченных ресурсов, которые были в его распоряжении, приемлемую структуру управления.

В ту пору в колонии было три административных подразделения — Восточное, Центральное и Западное, чьи центры находились в Порт-Морсби и Самараи, а отдаленные посты — в Риге и на архипелаге Луизиада, где в то время началась добыча золота. Порт-Морсби был объявлен городом еще в 1886 г., но внешне несколько не напоминал городское поселение. Он состоял из небольшого количества построек из оцинкованного железа, расположенных двумя кварталами. Один из них — Западный Гренвиль находился на узком полуострове с восточной стороны от входа в бухту. Он был отделен от второго квартала — Восточного Грен-

вила, где располагались резиденция губернатора и здание миссии Лондонского миссионерского общества, незастроенным пространством берега вокруг бухты, по которому была проложена тропа. Европейцев среди жителей насчитывалось не более 12 человек, в их число входили служащие миссии и губернаторства, а также торговцы. Кроме того, в городе было сравнительно большое число «залетных визитеров», которые были охарактеризованы в предыдущем разделе статьи. Это разнородное общество жило в туземных деревнях или вокруг них, имело туземных «жен» и занималось либо предпринимательством на свой страх и риск, либо время от времени совмещало эту деятельность со службой в колониальной администрации в качестве проводников, переводчиков, неофициальных полицейских и охранников.

В те годы большая часть страны не была еще освоена и не контролировалась администрацией. Власть в колонии распространялась в основном только на те территории, которые уже раньше были включены в сферы влияния миссий или где уже в течение нескольких лет происходила какая-нибудь коммерческая деятельность. К ним относились, прежде всего, участок побережья между Порт-Морсби и Аромой и прилегающие к Риго и Согери участки хинтерланда в Центральном подразделении, береговой район Киваи в Западном подразделении, а также восточная оконечность Новой Гвинеи вокруг залива Милн-Бей и архипелаг в Восточном подразделении.

Лингвистическая ситуация в то время складывалась следующим образом. Лондонское миссионерское общество изучало и распространяло «настоящий» моту в районе Порт-Морсби и за его пределами. УМ, к которому прибегали моту в период появления первых миссионеров, превратился, как можно полагать на основании изложенных выше данных, в основной контактный язык и общепринятый язык-посредник среди и некоренного, и коренного населения в Порт-Морсби и его окрестностях. Одновременно многие переселенцы продолжали, видимо, разговаривать на одном из вариантов «ломаного» английского, или пиджин-инглиш, усвоенного ими во время жизни и работы на островах Торресева пролива или в северной части Квинсленда. В других частях колонии миссионеры, среди которых были пасторы и учителя из числа островитян Южных морей, а также европейцы, осваивали разнообразные местные языки, такие как суау, добу, маилу, хула-кеапара-арома, киваи. В Восточном и Западном подразделениях папуасские рабочие, возвращавшиеся домой из Квинсленда, а также старатели, торговцы, предприниматели и др. приносили с собой «ломаный» английский, или пиджин-инглиш. В район Киваи возвращались преимущественно рабочие рыбных промыслов в Торресовом проливе, а в Восточное подразделение — те, которые работали на сахарных плантациях в Квинсленде. Строго говоря, эти же элементы вносили пиджин-инглиш и в Центральное подразделение, но там он не был столь широко распространен среди коренного населения, как в других районах страны.

С приездом Мак-Грегора положение коренного населения резко изменилось. Раньше администрация протектората стремилась всего лишь закрепить там, где могла, избежать беспорядков и по возможности оградить коренное население от нежелательных внешних влияний и от самой себя. Она не была наделена законодательными функциями и не имела возможности гарантировать выполнение законов. С преобразованием протектората в колонию методы и сущность колониальной администрации стали иными, что повлияло на коренное население и соответственно на лингвистическую ситуацию. Воздействие этих перемен было столь велико, что когда в 1898 г. Мак-Грегор покинул Британскую Новую Гвинею, язык, ставший известным позднее как полицейский моту, превратился в основной, хотя и не единственный неофициальный язык колониальной администрации в самых разных районах страны. Этим была подготовлена почва для его дальнейшего распространения и на более отдаленные части колонии, которые постепенно подпадали под контроль властей.

Тремя китами, на которых держалась эта политика, были полицейский корпус, констебли в деревнях и тюрьма. Эти три института были тесно связаны, можно сказать, даже интегрированы и «переходили» один в другой примерно следующим образом: из тюрем выходили кандидаты в полицейские и деревенские констебли, те же в свою очередь рекрутировали кандидатов друг для друга, а порой порождали в своей среде и потенциальных заключенных. Схематически можно представить себе все эти три института как части единой, крупной по тем временам, постоянно расширяющейся фабрики, в которой владелец, т. е. губернатор, периодически перемещает «рабочих» из одного цеха в другой и время от времени нанимает новую рабочую силу. В этом смысле они очень напоминали более привычное для нас плантационное хозяйство с наемными рабочими, распространенное в других колониях, и, отметим, породили примерно тот же эффект возникновения и распространения нового языка-посредника. Все же в течение некоторого времени система обеспечения «закона и порядка» обгоняла в своем развитии подлинную широкомасштабную организованную систему наемного труда в Британской Новой Гвинее, а потому ее действие начало сказываться раньше. Папуасы, правда, работали на разных принадлежавших иностранцам промыслах, главным образом в восточной и западной частях страны, и до установления «закона и порядка», но там они использовали в качестве языка-посредника «ломаный» английский, или пиджин-инглиш, еще до возникновения полицейского моту как такового. Следовательно, дело заключалось не только в том, что полицейский моту распространялся на ранее не освоенные колониальными властями территории. В ряде случаев он стал выступать в роли второго языка-посредника, конкурируя с установившимся более ранним лингва-франка. Но чтобы понять, как и почему он сохранился и превратился в основной язык-посредник Папуа, вернемся к трем институтам «закона и порядка».

Полицейский корпус Мак-Грегора

Когда Уильям Мак-Грегор прибыл учредить новую колонию Британская Новая Гвинея, одной из первоочередных задач стало создание полицейских формирований, на которые можно было бы опереться при установлении «закона и порядка» на все увеличивающейся территории. До этого администрация протектората вынуждена была прибегать к помощи командиров военно-морских судов и «неофициальных» полицейских отрядов, составленных из причудливой смеси приезжих и папуасов, никогда не обучавшихся выполнению собственно полицейских функций. Поэтому Мак-Грегор сразу же принялся за организацию официального формирования, которому он присвоил название Вооруженной туземной полиции. Но поскольку в Британской Новой Гвинее не было достаточно обученного персонала, который мог бы образовать ядро такого формирования, он обратился за помощью к губернатору Фиджи. В результате два фиджийца и 12 меланезийцев с Соломоновых островов, уроженцев о. Малаита, были завербованы для службы в Британской Новой Гвинее. При этом фиджийцы (сержант и капрал) завербовались на год, а остальные, простые полицейские, — на три года. Все эти люди говорили на различных австронезийских языках, отдаленно родственных моту. Кроме того, полицейские с Соломоновых островов, вероятно, владели в какой-то степени фиджийским, который они осваивали, работая от полугода до года на плантациях Фиджи или там же на службе у колониальной администрации. Наконец, все они, видимо, могли хоть как-то говорить по-английски — иначе их едва ли рекомендовали бы для несения службы в Британской Новой Гвинее под командованием англоязычных офицеров.

Вся эта группа прибыла в Британскую Новую Гвинею в 1890 г. и сразу же пополнилась папуасскими рекрутами, главным образом из района Киваи в Западном подразделении. К концу срока губернаторства Мак-Грегора, т. е. к 1898 г., полицейское формирование включало

110 папуасов — унтер-офицеров и рядовых полицейских, завербованных в разных районах страны.

История учреждения и развития полицейских формирований многими нитями связана с историей полицейского моту — языка, наименование которого выражает их сопряженность. Наиболее существенные проявления этой связи следующие.

Первые служащие, завербованные в полицейский корпус, рекрутировались за пределами Центрального подразделения, т. е. за пределами того района, где говорили и говорят до сих пор на «настоящем» моту. Поэтому они не владели этим языком, когда прибыли в Порт-Морсби. Соответственно им приходилось общаться друг с другом и со своими командирами на «английском», которым владели если не все, то большинство. Это, однако, был не обычный английский, а пиджин, который опять же должен был быть похож на пиджин-инглиш островов Торрессова пролива, к тому времени распространившийся на прилегающие районы Новой Гвинеи. Таким образом, в годы формирования полицейского корпуса полицейский моту, впоследствии ставший языком этого корпуса *par excellence*, еще не был в нем единственным языком общения, конкурируя с «ломаным» английским, или пиджин-инглиш. По сути дела, в течение долгого времени в ходу были оба языка, так как полицейским приходилось по службе постоянно передвигаться из одного района страны в другой, из зоны распространения полицейского моту в зону распространения пиджин-инглиш. В районе Порт-Морсби, где «английский» был не в ходу, они говорили на «моту» и, наоборот, в Восточном или Западном подразделении пользовались «английским». Однако люди говорили «по-английски» и в Порт-Морсби, когда встречались с людьми, способными изъясняться на нем, и все чаще употребляли в аналогичных ситуациях «моту» в Западном и Восточном подразделениях. Тем самым полиция проявила себя гораздо более гибким и хорошо приспособленным к местным социальным условиям органом, чем колониальные администраторы и чиновники за все время их управления страной. Но почему же с полицейским корпусом ассоциируется только полицейский моту (на что указывает и его наименование) и что представляет собой этот язык? Прежде чем ответить на такой вопрос, обратимся ко второму аспекту связи между языком и полицейскими формированиями.

То, что корпус формировался, квартировался и обучался в Порт-Морсби, где самым распространенным языком был моту, а «английский» почти не употреблялся, предопределило необходимость изучения каждым полицейским языка моту. В противном случае они не смогли бы эффективно выполнять свои обязанности в этом городе. Напомним, что ядро корпуса состояло из приезжих фиджийцев и меланезийцев Соломоновых островов, папуасские же служащие включались в него, пользуясь выражением Мак-Грегора, лишь «постепенно». Приехав на Новую Гвинею, они должны были быстро выделить круг людей, которых современный гражданин Папуа — Новой Гвинеи обозначил бы словом *ванток*⁸, т. е. земляков или жителей сходной в культурном отношении области. Таких людей они могли найти только среди переселенцев в районе Порт-Морсби. Последние, как мы знаем, уже обитали в городе ряд лет, говорили на «моту», жили во входящих в городскую черту деревнях, населенных моту и, вероятно, они же довольно быстро научили своих новых «земляков» ориентироваться в условиях Порт-Морсби, разбираться в хитросплетениях местной политики и внушили им мысль о необходимости языка «моту» для тех, кто хочет нормально жить в этом районе. Если даже это было не совсем так, то все равно приезжие фиджийцы и жители Соломоновых островов с неизбежностью должны были сами быстро прийти к такому выводу, поскольку сразу после прибытия на Новую Гвинею их послали служить в районы Риго и Мекео. Там они работали при чиновниках колониальной администрации и столкнулись с «прислугой», среди которой было много их «вантоков», владевших «моту».

⁸ На языке ток-писин «соотечественник» (ср. англ. *one talk*). — Прим. перев.

**Сопоставление базовой лексики языка моту и некоторых языков,
употребляемых на о. Фиджи и Соломоновых островах**

Моту	Острова Фиджи		Соломоновы острова			Значение
	мбау	кандаву	лау	квара' аэ	квайо	
manu	manumanu	manumanu	manu	hai'no	no	птица
bebe	bēbē	bebe	beb	beb	bebe	бабочка
mai	vako mai	lako mai	mai	mai'	mai	иди
mase	mate	mate	mae	mae	mae	умирать
mata	mata	mata	ma	ma	ma	глаз
ima	lima	lima	lima	lima	nima	пять
roho	vuka	vuka	lofo	loh	lofo	летать
ae	yava	laga	'ae	a'e	'ae	нога
lao, laka	lako	lako	lea	leka	leka	итти
ia	koya	kia	nia	nia	nia	он
-na	-na	-na	-na	-n(a)	?	его
ruma	vale	vale	luma	lum	luma	дом
lau	yau	yau	nau	naua	nau	я
mauri	bula	bula	mouri	maori	maou	жизнь
ura	urau	urau	ura	deng	uragou	омар
sina	tina	tina	tē	tea'	?	мать
-gu	-qu	-qu	-gu	-ku	?	мой
lada	yaca	ila	sata	sata	rata	имя
hode	voce	voce	fote	fote	fotē	весло
boroma	vuaka	vore	boso	?	bō	свинья
dala	sala	sā levu	ṭala	tal	tala	дорога
tasi	māsima	māsima	asi	asi	asi	соль, море
kone	nuku	nuku	one	one	one	песок, берег
tohu	dovu	tovu	ofu	uh	ofu	сах. тростник
ṭaro	dalo	suli	alo	alo	alo	таро
rua	rua	tua	rua	rua	rua	два
dahaka	cava	yava	ta	tae	tā	что
daika	cei	yava	tei	tei	tai	кто
-mu	-mu	-mu	-mu	-mu	?	твой

И наконец, оказавшись в полевых условиях, они опять же столкнулись с «моту». До этого еще им наверняка говорили, что «моту» — самый распространенный язык в Порт-Морсби и что тот, кто хочет общаться с местным населением, должен уметь изъясняться на нем. Возможно, они даже получили какие-то рекомендации относительно того, как изучать этот язык и насколько он легок. Впрочем, едва ли была нужна в такого рода рекомендациях, поскольку все они, как уже отмечалось, говорили на австронезийских языках, родственных моту. Они наверняка смогли быстро узнать ряд ключевых слов и структурных элементов, напоминающих их родные языки. В этом легко убедиться, ознакомившись с приводимой выше табл. 2, где сопоставляется базовая лексика моту и некоторых языков, употребляемых на Фиджи и Соломоновых островах (на них говорили или могли говорить изначальные служащие полицейского корпуса).

По тем же причинам эти первые служащие полиции воспринимали моту в той форме, какая использовалась чиновниками, «прислужой» и самозванными полицейскими (с последними служащие полиции регулярно общались, а некоторых из них они сменили). Это был какой-то вариант УМ.

Таким образом, учреждение полицейского корпуса стало новым и важным фактором в развитии и распространении именно этой формы языка. Оно знаменовало появление специфического социального института, в рамках которого совместно работали выходцы из разных частей страны, а первоначально и из других стран. В подобной ситуации, очень напоминавшей плантационное хозяйство, неизбежно должен был появиться общий язык как средство коммуникации. Вначале, как уже отмечалось, таким языком был «ломаный» английский, или пиджин-инглиш. Однако в Порт-Морсби он был слабо распространен, а «моту»,

напротив, уже утвердился в роли языка-посредника этого района. Поэтому сфера употребления пиджин-инглиш в Центральном подразделении колонии, хотя он не исчез полностью до сих пор, была намного уже, чем в других частях страны. Рекруты вначале проходили курс обучения в Порт-Морсби, а затем направлялись в различные опорные пункты колониальной администрации. Вместе с ними на эти районы распространялись и утвердившиеся языковые традиции. Как отметил Мак-Грегор в своем годовом отчете за 1892/1893 г., «30 или 40 служащих полиции ежегодно направляются в свои родные деревни»⁹. Это и был механизм постоянного расширения ареала полицейского моту и включения в него самых отдаленных в колонии территорий.

Но полицейский корпус не был единственным инструментом, при помощи которого власти устанавливали свое влияние и контроль над папуасами. Не менее важную роль в этом отношении играли деревенские констебли, тюрьмы и другие исправительные учреждения.

Сеть деревенских констеблей

В отличие от других стран южной части Тихого океана, племенам Британской Новой Гвинеи, по крайней мере к началу контактов с европейцами, почти не был знаком статус вождя, который нес бы ответственность за свое племя или деревню. Были военные предводители и разнообразные руководители культов и ритуалов (выражаясь языком этнографа, «большие люди» — бигмены), но все они достигли высокого положения благодаря своим личным качествам. Эти люди не были повелителями, требующими безусловного подчинения. Поскольку кто-то должен был представлять деревню перед властями колонии, администрация обычно вынуждена была назначать своим представителем человека, не облеченного никакой традиционной властью. Такие люди наделялись определенными правами и прерогативами и назывались, вне зависимости от того, были ли они одновременно традиционными лидерами или нет, деревенскими констеблями.

Эта система была законодательным образом учреждена Мак-Грегором в декабре 1892 г., хотя сама по себе практика назначения колониальными властями «туземных вождей» была не нова. Она применялась еще в дни протектората и, по словам самого Мак-Грегора, таких вождей было уже «около 20» в то время, когда он опубликовал свой законодательный акт. Согласно этому акту, констебли должны были подчиняться чиновнику европейского происхождения, ответственному за район их проживания, всемерно способствовать ему в выполнении им своих обязанностей и воли администрации. Констебли обладали правом ареста и обязаны были поддерживать порядок во вверенных им деревнях. Они должны были доставлять нарушителей «Акта о туземных установлениях»¹⁰ к своему начальнику, который выполнял также обязанности районного судьи. Констебли назначались этими чиновниками и смещались ими в случае несоответствия должности. Они могли оставаться при исполнении своих обязанностей в течение неограниченного срока, пока сами не откажутся от них или пока этому не воспротивится местное население или руководящий районом чиновник европейского происхождения. Констеблям выдавалась соответствующая униформа, знаки достоинства, они получали за свою службу скромное вознаграждение ходовыми товарами или деньгами. Естественно, что констебли должны были понимать, что такое «гавамани» (администрация), иметь общее представление о европейском образе жизни и мышлении и, наконец, быть в состоянии общаться с начальством. Всеми этими качествами обладали, как правило, лишь те кандидаты в констебли, которые провели какое-то вре-

⁹ Annual Report of British New Guinea. Queensland Parliamentary Papers, 1892/3, p. XXVIII.

¹⁰ «Акт о туземных установлениях» — сборник законодательных норм, регулировавших отношения колониальной администрации с коренным населением Британской Новой Гвинеи. — *Прим. перев.*

меня в тюрьме или служили в Вооруженной туземной полиции. В обоих этих местах они учились понимать, что такое дисциплина, власть и авторитет администрации, осваивали языки, при помощи которых можно было общаться с начальством, прежде всего полицейский моту и «английский». В результате по возвращении в свои родные места они оказывались подготовленными к ожидавшим их поручениям новой власти и престижу, жидившемуся на знаниях, приобретенных вдали от дома и на близости к власти имущим.

Со временем число деревенских констеблей увеличилось. В годы, когда Мак-Грегор официально учредил эту должность их было «около 20», а в 1906—1907 гг., когда Мёррей стал заместителем губернатора, насчитывалось уже более 400. Они служили во всех семи дистриктах колонии.

Пенитенциарная система

Тюрьмы были третьим составным членом интегрированной системы учреждений, призванных к установлению законопорядка, которая обусловила распространение полицейского моту. Европейской администрации в Британской Новой Гвинее с самого начала потребовались какие-то пенитенциарные учреждения для изоляции людей, которые сочтены были опасными для колониального общества и для самих себя. Первая тюрьма, считавшаяся центральной, была открыта в Порт-Морсби в 1886 г., вторая — в Самараи в 1890 г. Поскольку, однако, число полицейских, приданных заместителю комиссара протектората, было невелико, число заключенных или тех, кто мог быть арестован на законном основании, также было небольшим, по существу сводилось всегда до минимума. Когда же в колонию прибыл Мак-Грегор, облеченный законодательными полномочиями и создавший полицейский корпус, стоящий на страже выполнения закона, число тюрем сразу увеличилось, и с тех пор тюрьма становится неперменной принадлежностью каждого опорного пункта колониальной администрации. Но пенитенциарная система Мак-Грегора не была просто сетью карательных учреждений. Власти рассматривали тюрьмы скорее как «воспитательные» учреждения первой ступени, в которых заключенные впервые знакомились с белым человеком и его миром, а также привыкали с уважением относиться к начальству. Эти «воспитательные» цели достигались главным образом посредством приобщения к физическому труду, гуманным обращением и стимулирующей системой вознаграждений. Вся система больше напоминала «исправительно-трудовую колонию для несовершеннолетних преступников, нежели тюрьму», а отношение к заключенным немногим отличалось от «отношения к наемным рабочим-полинезийцам на хорошо организованной плантации»¹¹.

С самого начала языками тюрьмы были «английский» и «моту», хотя степень употребления и восприятия каждого из них зависела от трех обстоятельств: 1) расположение тюрьмы: «английский» был более в ходу в тюрьмах Западного и Восточного подразделений, во всяком случае, в первоначальный период, а в Центральном подразделении больше употреблялся «моту»; 2) персонал: надзиратели и охранники в Порт-Морсби владели обоими языками, в Западном же и Восточном подразделениях — только «английским»; 3) время: вначале в отчетах отмечается, что оба языка употребляются в тюрьмах, но что в Порт-Морсби вошло в правило обучать всех новых заключенных «моту»; для этого «во время работы и в камерах их помещали с заключенными, которые уже говорили на этом диалекте, так что они быстро его осваивали»¹². Вообще все заключенные, проводившие хотя бы несколько месяцев в тюрьме Порт-Морсби, могли «в той или иной степени разговаривать

¹¹ Annual Report of British New Guinea. Queensland Parliamentary Papers, 1894/1895, p. 28.

¹² Ibidem.

на моту»¹³. Правда, начиная с 1890-х годов стали обращать внимание на то, чтобы заключенные овладевали настоящим английским, но все же «моту» продолжал оставаться для них основным языком общения. Хотя статистика, понятно, не вела учет заключенных, выучивших в тюрьме «моту» или «английский», число их все-таки было достаточно велико; об этом свидетельствует число констеблей и полицейских, прошедших через заключение.

Период пребывания Мак-Грегора на посту губернатора ознаменовался значительными административными и социальными реформами, повлиявшими на лингвистическую ситуацию. Вначале Мак-Грегору, как и его предшественникам, управлявшим протекторатом, приходилось полностью полагаться на христианскую миссию и на «прислугу» в деле обеспечения законопорядка. Но после 1890 г. влияние колониальной администрации резко возросло и, оттеснив миссию на задний план, власти стали контролировать и лингвистическую ситуацию.

«Моту» превратился в основной, хотя и неофициальный язык колониальной администрации. Это был тот самый «моту», который впоследствии стал известен под названием полицейского моту (а еще позже хири-моту). Термин этот, впрочем, закрепился не раньше начала XX в., несмотря на то что язык этот обслуживал не только полицию, но и в той же мере был языком деревенских констеблей и тюрем. Очевидно, в течение многих лет у этого языка не было специфического названия, его именовали просто «моту», возможно, «ломаный моту» или «пиджин-моту», как обозначил его еще Лоуз и как было принято обозначать в то время в рамках англоязычной дескриптивной традиции. В официальных публикациях этот язык, конечно же, называли только «моту», пока в 1904 г. Бартон не отметил, что среди полицейских «моту деградировал и превратился в какое-то подобие пиджин-моту»¹⁴. Мёррей же жаловался на то, что этот язык представляет «какой-то ублюдочный моту, едва понятный тем, кто владеет моту как родным»¹⁵.

В нашем распоряжении нет конкретных данных о языке того времени, которые позволили бы понять, что именно имели в виду эти два автора. Скорее всего они отразили тот факт, что этот «моту» утерял свой, пользуясь выражением Лоуза, «разговорный» характер (если справедлива вообще наша гипотеза о трансформации УМ в полицейский моту) и приобрел новые характеристики, отдалявшие его от «настоящего» моту и делавшие похожим на какой-то иностранный язык. Что это были за характеристики и когда именно они появились в языке, нам неизвестно. Можно, однако, полагать, что среди них были многие, если не все, из признаков, отличающих УМ, которому обучался Лоуз, от современного хири-моту (мы исходим при этом из того, что УМ был таким же к моменту организации полицейского корпуса). Например, могли произойти некоторые или даже все из перечисленных ниже языковых изменений: 1) внедрение «нового» глагола *noho* 'иметь' (его первоначальное значение 'быть здесь, наличествовать') в сочетании с притяжательной конструкцией; это ближе к современному употреблению в хири-моту, чем к конструкциям, принятым в УМ, которые, в свою очередь, были ближе к «настоящему» моту, где притяжательная конструкция сочетается с морфемами *mai* 'с' и *asi* 'без'; 2) внедрение обобщающего послелога *dekenai* 'к, с'; 3) генерализация наречия *dohore* 'позже' и превращение его в индикатор будущего времени; 4) генерализация наречия *vadaeni* 'довольно, это все' и превращение его в показатель совершенного вида; 5) изменение синтаксической структуры предложения в зависимости от различных союзов, таких, например, как *neganai* 'когда', *ela bona* 'до тех пор, пока...', *bona* 'если'.

Конечно, это были не все изменения, так как перечисленных едва ли было бы достаточно, чтобы сделать язык настолько отличающимся от

¹³ Ibidem.

¹⁴ Annual Report of British New Guinea. Commonwealth Parliamentary Papers, 1903/1904, p. 16.

¹⁵ Annual Report of Papua. Commonwealth Parliamentary Papers, 1906/1907, p. 21.

того УМ, на котором, возможно, говорили Бартон и его коллеги. Безусловно, в языке происходили и другие изменения, совершенно неизбежные, если вспомнить, что в полиции служило много людей из других районов, весьма отдаленных от Порт-Морсби, говоривших на языках, никак не родственных моту, отличающихся от него, да и друг от друга. Вероятнее всего, в то время язык варьировал в произношении, структуре и словаре от района к району в зависимости от местных языков, родных языков тех или иных носителей, подобно тому как это происходит и в наши дни, но в гораздо большей степени.

Следует подчеркнуть, что полицейский моту, являясь основным неофициальным языком колониального управления, все же не был единственным языком администрации. Официальным языком был английский, а «ломаный» английский, или пиджин-инглиш, в течение долгого времени использовался в качестве второго неофициального языка. Именно этот язык по причинам, которые были изложены выше, был первым языком первого официального полицейского формирования 1890 г., но он никогда не был признан в качестве самостоятельного языка. Напротив, как указывает термин «ломаный», он рассматривался просто в качестве испорченной формы английского, которую можно будет впоследствии «исправить». И Мак-Грегор, и позже Мёррей, пытались действовать в этом направлении.

Оба неофициальных языка — полицейский моту и «английский» — обязаны своим распространением расширяющемуся контакту с европейцами, но это в разное время ощущалось в разных формах. Первоначально «английский» был языком предпринимательской деятельности и внедрялся, преимущественно в Западном и Восточном подразделениях, приезжими, работавшими в рыболовстве, заготовке перламутровых раковин и горнодобывающей промышленности. Это происходило еще до установления контроля со стороны администрации и учреждения «законопорядка» при Мак-Грегоре. «Моту» был языком колониального управления. На нем говорили в Центральном подразделении, где находилась резиденция администрации, и оттуда он распространился на другие опорные пункты, которые власти основывали во вновь осваиваемых районах. Он был относительно поздним явлением и распространялся непосредственно только на районы, которые раньше не были освоены предпринимателями (не считая, конечно, тех частей Центрального подразделения, где он был в ходу и ранее благодаря торговле с моту и миссионерской деятельности). Туда его приносили возвращающиеся полицейские и заключенные. Затем он «столкнулся» с уже существовавшим до него «английским» и стал конкурировать с ним. С тех пор и до того момента, как вторая мировая война прервала естественный ход развития, история полицейского моту сводилась к постоянно усиливающейся конкуренции с «английским». После войны полицейский моту стал письменным языком и был признан в качестве единственного неофициального языка администрации в Папуа. Статус его постепенно повышался, пока в наши дни он не превратился в один из неофициальных национальных языков нового независимого государства Папуа — Новая Гвинея.

В 1970 г. прозвучал призыв переименовать язык, так как полицейские формирования уже не состояли исключительно из папуасов, да и вообще существенно изменились после второй мировой войны, когда произошло административное объединение бывшей территории Папуа и мандатной территории Новая Гвинея¹⁶. Новое название — хири-моту (вместо полицейского моту) основывалось на представлении (ошибочном, как мы попытались показать в настоящей статье) о том, что этот язык возник из

¹⁶ Территория Папуа (до 1906 г. колония Британская Новая Гвинея) располагалась в юго-восточной части острова и управлялась Австралией с 1906 г. до получения независимости в 1975 году. Северо-восточная часть острова до 1914 г. была немецкой колонией, а затем образовала мандатную территорию Новая Гвинея, с 1921 г. управлявшуюся Австралией по мандату Лиги Наций, в 1942—1944 гг. пережившую японскую оккупацию и с 1946 по 1949 г. находившуюся опять под опекой Австралии по поручению ООН. В 1949 г. обе территории были объединены под единой австралийской колониальной администрацией и получили название Папуа и Новая Гвинея. — *Прим. перев.*

торгового языка, использовавшегося моту при торговых экспедициях *хири*. Это название принято в качестве официального и используется во всех официальных публикациях, но не получило еще широкого распространения и признания среди самих папуасов.

В наши дни на этом языке говорят в большей части бывшей территории Папуа, кроме округа Милн-Бей (где в ходу конкурирующие с ним языки, внедренные миссиями) и отдаленных районов Западного округа, округа Галф и Южного Нагорья. Согласно переписи 1971 г., число владеющих *хири-моту* оценено примерно в 150 тыс. человек; в настоящее время, как предполагается, оно увеличилось еще больше. Не все из них, однако, коренные жители, хотя большинство составляют граждане Папуа — Новой Гвинеи, жители или выходцы из шести округов (ранее дистриктов), составлявших в прошлом политико-административную единицу Папуа. Все они говорят на одном из двух существующих диалектов: центральном, или австронезийском, и нецентральном, или неавстронезийском. Первый из них употребляют преимущественно жители Центрального округа, пользующиеся в качестве родных австронезийскими языками, а второй диалект *хири-моту* — обитатели остальных районов Центрального округа и других округов, входящих в Папуа, где распространены в основном неавстронезийские языки, не похожие на моту. Этот второй диалект получил более широкое распространение и ряд авторов считает, что его, или его отдельные говоры, следует признать стандартной нормой. Он отличается от центрального, или австронезийского, диалекта целым рядом грамматических особенностей, в целом напоминающих их предковый язык — «настоящий» моту.

*Перевел с английского
М. А. Членов*